

На соискание Государственных премий СССР

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВЫДВИНУТЫХ НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР 1980 ГОДА.

НА УРОВНЕ СЕРДЦА

Григорий Бакланов. «Навеки — девятнадцатилетние». Повесть. Журнал «Октябрь», № 5. 1979.

КАК-ТО в нашем разговоре с Григорием Баклановым о его тогда только что напечатанном «мирном» романе «Друзья» он вдруг сказал: «А следующее мое произведение будет опять о войне».

Опять о войне... Да, видимо, прочно, до конца дней вошла в его, писателя фронтового поколения, сердце Великая Отечественная, если отпускает от себя лишь на время и не отпускает в отставку. Да и надо ли отпускать? Ведь подвиг народа в огневые сороковые нетленен, вечен, и тема народного подвига для литературы глубоко современна.

Показать человека войны нашим боевым современником — этим проникнут и замысел баклановской повести «Навеки — девятнадцатилетние». Художественная реализация этого простого и одновременно сложного замысла требовала от автора изображения правды войны, раскрытия в наших людях того драгоценного, что вело их на каждодневный риск, на ге-

роическую, самоотверженную битву с врагом. Изображать это, естественно, надо было так, чтобы тобой написанное не стало повторением пройденного.

Поначалу повесть словно бы и не обещает сколько-нибудь заслуживающего внимания открытия. Не однажды использованная коллизия — лейтенант-артиллерист после излечения в госпитале едет на фронт, чтобы принять под командование подразделение, положенное офицеру соответственно званию и боевому опыту... Да и последующие сюжетные ходы не отличаются чем-либо особенно оригинальным, но чем больше всматриваешься в повесть, тем отчетливее постигаешь ту истину, что в искусстве не всегда важен материал, но всегда — мастер.

Материал войны автором осваивается подлинно талантливо, в характерной баклановской манере обнаженного показа событий и человека, в манере сдержанного, перемежаемого эмоциональными взрывами повествова-

ния. Эта особенность наиболее ярко проявляется в финале произведения, когда герой погибает, когда непримиримо сталкиваются между собой красота жизни и немолчаливая беспощадность войны.

Правда войны в «Навеки девятнадцатилетних» — это правда целого и правда деталей. Какое же поистине страшное, жестокое, кровавое — фронт! Проводница пассажирского поезда, в котором Третьяков вместе с многими другими едет из госпиталя в свою часть, на передний край, говорит: «Всю войну вожу, вожу и все в ту сторону».

Впечатляющи у автора батальные картины — сухой треск автоматных очередей, глухой свист снарядов, черные султаны вздыбленной земли, пороховой дым и гарь, чесночный запах толпы... Вот маленький штрих межбоевой паузы на батарее: «Костер шипел, просыхала вокруг него оттаявшая земля, пар и дым сырых сучьев развевали глаза. Закопченные, суток двое не спавшие батарейцы сидели, нахляпываясь, спинами на ветер, размазывали грязные слезы по щекам, сжимаясь от холода пальцами тянулись к огню. И, сидя в дыму, дымили махоркой, грели душу. Мокрый снег косо летел в костер, на спины, на шапки».

Точно проникает автор в психологию человека на войне. В подтверждение можно приводить и приводить примеры — они тоже суть проявление писательского мастерства.

В большинстве случаев война и госпитальная жизнь (действие повести в значительной своей части происходит в госпитале) написаны зримо, внятно. Автором это не с чужих-то слов поведано, подобное он видел, слышал, испытал — много раз! — сам. Память, в свое время цело схватившая все это, сумела сохранить все в живой, первоначальной трепетности.

Но правда о жестокости войны отнюдь не главная правда о ней, не самый высокий реализм. Главное — справедливый, освободитель-

ный характер нашей войны, которую мы с первых дней считали священной и с полным на то основанием назвали Великой Отечественной.

Именно такое толкование войны характерно для повести. Художественно воплощено оно в образе главного героя произведения лейтенанта Третьякова и других, отдавших свои жизни за дело святое и правое. Третьяков не из риторических деклараций соткан, он человек во плоти и крови, но сердце у него не в разладе с сознанием. Это личность цельная, с повышенным чувством совести. Героев с тревожной совестью мы встречали уже в произведениях писателя, но у Третьякова совесть подлинно доминанта характера, для него она и компас поведения, и судья содеянного.

Легче представить, что ты сможешь самоотверженно исполнять свой солдатский долг, нежели это делать, находясь постоянно у края смерти. Некоторые персонажи повести действуют нерешительно в бою лишь потому, что не находят в себе силы перебороть страх. Третьяков перебарывает его всегда, для него слово надо означает действие.

Писатель касается и отрицательных явлений, что были порождены особыми обстоятельствами тех суровых лет. Он пишет об этом без надрыва, с политическим тактом. Обиды, несправедливо нанесенные в то время отдельным людям, не сбили их — и это убедительно показывает автор — с той идейно-нравственной орбиты, на которую вывели советского человека партия, Родина. В этом большая правда нашей жизни.

В ответе на вопрос, каким надо быть (надо было быть на войне, быть сегодня!), стояла главная задача автора «Навеки — девятнадцатилетних», которую он решает прежде всего посредством раскрытия доброго и благородного, подлинно рыцарского в человеке-солдате, грудью своей заслонившем Советскую страну и всю планету от фашизма.

И. КОЗЛОВ